

Черт возьми, ведь он бронировал этот отель в Диснее, чтобы поехать на свидание с Сяо Ванем на праздник Циси, а теперь приходится спасать положение и гасить катастрофу! Номер в отеле Диснея заказать ужасно трудно, он столько времени вылавливал бронь... Интересно, если попытаться ухватить снова, выйдет ли?

Нэчжа бросил взгляд на скриншот страницы бронирования отеля, отправленный Ся Дунли, и выражение его лица стало довольно странным:

— Ты едешь на Циси... и бронируешь номер с двумя отдельными кроватями?

— На сайте, где я бронировал, не было номеров с одной двуспальной кроватью! — Ся Дунли немного вспыхнул. — И вообще, разве тебе это не на руку?

— И то правда, — Нэчжа взмахнул пальцами, убирая билеты в свой артефакт-хранилище. Заложив руки за спину и сжимая переводчик, он пребывал в отличном настроении. — Пошли внутрь. Не стоит оставлять этих двоих наедине слишком долго.

С чего бы? У них какая-то личная вражда?

Словно прочитав немой вопрос на лице Ся Дунли, Нэчжа вздохнул:

— Старый сухарь против улыбчивого тигра. Пока тебя не было, они уже час мучили друг друга светской беседой. Я слушал, как они разбирали по косточкам всю мировую обстановку — причем сплошь казенным языком! Я чуть не заснул.

Ся Дунли опустил взгляд на переводчик в руках Нэчжа, намекая: без переводчика они бы вообще не смогли разговаривать.

— О, ты их недооцениваешь, — ухмыльнулся Нэчжа.

Озадаченный Ся Дунли вошел вслед за ним и увидел, как двое великих божеств под шпалерой держат каждый по черному дрозду и что-то оживленно жестикулируют.

Ян Цзянь:

— Сия птица хоть и невзрачна с виду, но весьма искусна в подражании звукам. У одного моего друга ушло немало времени, чтобы обучить такого дрозда чтению священных текстов. Когда он продемонстрировал его на одной из встреч, вышло довольно забавно.

Гипнос кивнул с весьма одобрительным видом, однако Ся Дунли услышал механический женский голос из переводчика в руках Нэчжа:

«Эта птица выглядит получше той, что была почернена у Аполлона. Птица Аполлона ничего не умеет, кроме как клеваться, да еще и уродлива. Интересно, приживется ли эта в царстве мертвых? Если приживется, в следующий раз возьму ее с собой похвастаться».

Ян Цзянь:

— Соповелитель сна весьма прав. Сие создание — лишь забава, и чрезмерно увлекаться им не стоит, дабы не расплыть внимание. Куда лучше держать кого-то более полезного — к примеру, моего пса: он и дом стережет отлично, и на охоте незаменим.

Ся Дунли: ...

Вы же говорите совершенно о разных вещах! И даже слегка подкалываете друг друга! Как у вас вообще получается вести беседу?

А, ну да, просто пользуетесь тем, что другой ничего не понимает.

Стоило Ся Дунли подойти, как оба замолчали. Заметив, что взгляд Ся Дунли упал на зажатых в их руках черных дроздов, Гипнос со своей неизменной улыбкой произнес:

— Господин Ся, а птицы у вас дома очень гостеприимные! Едва увидели нас, сразу же прилетели навстречу.

Ся Дунли: ...

Гостеприимные?

Почувствовав на себе его взгляд, оба черных дрозда поспешно зачирикали: «Чирик-чирик!» Птицы, испытывая страх, иногда издают звуки птенцов, пытаясь вызвать жалость у врага. И то, что подобные жалобные рулады источали эти два местных пернатых тирана — папаша и мамаша дрозды, — наглядно показывало, в какую передрагу они попали.

Зная характер своих птиц, Ся Дунли не сомневался: эти двое наверняка решили напасть на незнакомцев, да только не рассчитали сил, нарвались на непростых гостей и в итоге попались. Но мог ли он озвучить это вслух? Разумеется, нет.

Поразмыслив, Ся Дунли указал на шпалеру с глицинией и сказал:

— Эти птицы просто заигрались, но их птенцы в гнезде боятся холода. Не могли бы вы отпустить этих нерадивых родителей обратно?

Ян Цзянь нахмурился, посмотрел на взрослую птицу, замершую у него на ладони, и легким взмахом руки подбросил ее в воздух. В его голосе прозвучало неодобрение:

— Быть родителями и бросать потомство без присмотра — верх неответственности.

— И то правда, — Гипнос тоже с улыбкой поднял руку, намереваясь коснуться птичьего хвоста. — Неответственные птицы не достойны быть символом ночи. В наказание вы станете пестрыми...

— О великий бог!! — Ся Дунли в два шага очутился рядом и аккуратно выхватил из рук Гипноса дрожащего самца черного дрозда. Он всеми силами спасал облик китайского черного дрозда. Черное оперение — это же прекрасно! Если этот бог вдруг изменит цвет перьев дрозда, все орнитологи Китая сойдут с ума! — С птенцами ничего не случилось, да и погода не такая уж холодная. Давайте дадим им еще один шанс!

— Хм... Раз уж они стали родителями...

— О великий бог! — Ся Дунли с глубокомысленным и тяжелым видом произнес, покривив душой: — Они ведь тоже впервые стали родителями, они сами еще совсем дети!

Аргумент про «они же еще дети» возымел потрясающий эффект как в Китае, так и за рубежом. Рука Гипноса дрогнула, и Ся Дунли, воспользовавшись моментом, подхватил дрозда и выставил наружу. Оба черных дрозда, отчаянно замахав крыльями, прошмыгнули в гнездо на шпалере глицинии и сжались в комок. Удивительно, но даже трое голодных птенцов, обычно пищавших

при виде родителей, мгновенно затихли. Вся семья наглядно продемонстрировала способность сидеть тише воды, ниже травы.

Ся Дунли с завистью взглянул на них. Ему и самому хотелось сидеть так же тихо, но, увы, двое великих божеств всё еще смотрели на него. Ся Дунли выдавил из себя улыбку, размышляя, как перенести поле боя подальше от своего любимого дворика, а не то не ровен час у какого-нибудь зверька изменится окрас или форма.

По сравнению с их восточными богами, эти греческие божества были совсем уж своенравными.

— Прошу вас, проходите в дом, я включу кондиционер.

При ремонте в доме Ся Дунли использовал трехкамерные стеклопакеты: стоит закрыть дверь, и снаружи ничего не слышно. Когда вернется Саньэр, он выведет Гипноса во двор и всучит ему пса — так удастся справиться хотя бы с одним.

Что же до Эрлан-шэня, то он всё-таки свое, отечественное божество, с ним должно быть намного проще договориться.

Ся Дунли всё прекрасно просчитал, но планы быстро рухнули. Едва он собрался прикрыть дверь, как снаружи раздалось блеяние. При этих звуках оба бога остановились.

— О? Господин Ся, вы завели целое стадо овец? — Гипнос слегка склонил голову набок, будто задумываясь. — Помнится, раньше у вас была только одна коза...

— Э-э... Да, позже я завел еще немного овец.

— Ах, раз уж об этом зашла речь, я ведь так и не видел Цербера...

У Ся Дунли, заставившего трехглавого пса пасти овец, по спине пополз холодный пот. Он без колебаний подхватил разговор:

— Да, Цербер мне очень помогает! Он действительно невероятно трудолюбивый пес! Глядя на его ответственное отношение к делу, я легко могу представить, насколько неприступными и величественными под его охраной остаются врата ада.

Выражение лица Гипноса под лестью Ся Дунли постепенно смягчилось, и он мягко улыбнулся:

— Действительно, Цербер — чрезвычайно ответственный страж ворот. Кстати... а как он и...

— Ах! Пойду-ка я открою им калитку! — громко перебил его Ся Дунли. Словно на крыльях, юноша помчался к воротам. Высунув голову, он увидел, как под надзором Саньэра черномордые овечки одна за другой заходят в загоны.

Он покрутил головой по сторонам и, убедившись, что своего любимого Дами нигде не видно, облегченно вздохнул. Затем крикнул вдаль Саньэру:

— Цербер, возвращайся пока!

Золотистая парменикская собака никак не отреагировала. Ся Дунли опешил, на лбу у него выступили воображаемые темные полосы, и он сменил обращение:

— Саньэр, иди сюда!

Золотистый пес, услышав оклик, повернул голову, посмотрел на Ся Дунли, затем на загон для овец, и наконец выпрямился и неспешно пошел к кирпичному домику. В отличие от невозмутимой и элегантной взрослой собаки, реакция Мили оказалась куда более бурной.

Щенок, выросший уже в пол-руки длиной, до этого подпрыгивал позади отары, совершая некие «квантовые» попытки пасти стадо. Услышав голос Ся Дунли, он даже не задумался, его ли зовут, и тут же припустил изо всех сил. На бегу он высовывал язык и радостно тявкал: «Ау-у-у!»

Хозяин зовет пёселя, значит точно дадут что-нибудь вкусненькое!

А зовет ли он именно его — какая разница? Кто успел, тот и съел!

Ся Дунли обомлел. Глядя на несущегося к нему Мили, он чувствовал, что что-то здесь не так, но не успел он сообразить, в чем дело, как перед глазами мелькнула тень — и несшийся во весь опор щенок со звонким «шлёп» врезался в чью-то длинную ногу.

Щенок опешил, однако боли не почувствовал: в миг столкновения мужчина протянул руку и погасил силу удара.

Мили почувствовал, как его осторожно подняли на руки, а на голову легла теплая большая ладонь. Щенок замер, а затем его коротенький хвост сам собой вильнул. Ау-у-у, этот человек так приятно гладит пёселя, так хорошо-то как!

Ян Цзянь, глядя на то, как щенок от поглаживаний постепенно обмяк в мягкий комочек, ненадолго задумался, а затем с добрым, почти отцовским взглядом похвалил:

— А ведь и вправду очень похож на песика Сяотяня в детстве.

<http://bllate.org/book/18144/1757805>